

Марвика

Радужный
воронёнок

Марвика
Радужный воронёнок
Серия «Русская культура
(Интернациональный Союз писателей)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42330589

*М. В. Качарава. Радужный воронёнок: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019
ISBN 978-5-00153-000-8*

Аннотация

Мир детских тревог и забот в городе и селе сильно различается по содержанию. Но одинаково значим, наполнен и радостен для героев сборников стихов «Шалунишки» и «Невольные шалопаи». А вот страницы прозы в сказочной повести «Чудесные превращения в доме с мышами» и гротеске «Бабушка читает молитвы» проникнуты ностальгией по несбыточной мечте о социальном равенстве. Сборник детской писательницы Марвики предназначен для чтения в семейном кругу.

Содержание

Марвика – детям!	5
Шалунишки	8
Поиграли	9
Перепуталкины	11
Бесконечная считалка	13
Я сама нарисую	14
Заспивательная песенка	17
Календарёнок	18
Невольные шалопаи	25
Анка-атаманка	26
Санька и Буянок	27
Ночные эрудиты Огнян и Николай	28
Сочинитель Вася	31
Светик и Алёшки	32
Леночка и бабушки	35
Тили-бамки	37
Иринкина забота	40
Небесные куранты	45
Бабушка читает молитвы	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Марвика

Радужный воронёнок

© Марвика, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Марвика – детям!

Вот уж, кажется, на чём только ни точила своё пёрышко Марвика, а таки добралась и до ребятушек!

Может, это птица такая, а может, и ягода.

Где она живёт, никто не знает. Да и сама она сегодня тут, а завтра там.

– Значит, птица! – догадываются юные читатели.

А их умудрённые опытом бабушки, как всегда, сомневаются:

– Да нет – стюардесса!

– Но тогда почему не пилот? – не сдаются внуки. – Ведь были же писатели пилотами!

Да кем только писатели ни были – как, впрочем, и читатели.

Ну хорошо, тогда пойдём с другого конца: это вообще кто – тётя или дядя?

– Да конечно тётя! Она же – КА! – удивляются непонятливости взрослых дети.

– Минуточку, – поддерживают детей родители. – А парфюмерные магазины и студии красоты, а гастрономические туры – что-то такое было, но только в мужском роде... Действительно, кто только сейчас ни пишет!

– Точно, – подхватывают разговор тётушки и дядюшки. – Это компания! И её открыли тётя и дядя. Потому так и на-

звали. Например, он Мариус, а она Виктория. Или она Марсиана, а он Виктус.

Да нет же, нет! Что-то мы совсем запутались! Стихи-то – детские, а вы привлекаете какую-то экзотику. Зачем это? Всё и так ясно: дети городские и дети сельские. Там музыкалка, восточные единоборства, балет и языки, а здесь – слякоть, снег, сапоги да валенки. Правда, Буянка потерялся: как-то залез в электричку и докатил до города. А там его нашёл Санька и назвал Буянкóм.

А про голубей горожанки Иринки помните? Вы думаете, что это выдумка про ураган, который занёс чубатого Перса арагана из Ирана в Ашхабад, а это чистейшая правда! Спросите об этом голубеводов.

Жалко, конечно, Феденьку! Ведь он только и делает, что мечтает о каком-то затерянном дворе на каком-нибудь необитаемом острове, где можно просто погонять мяч. А вот мечтает ли Ленька из затерянного села в Пермском крае о городской жизни?

Двойняшки Огнян и Ники уже подросли и учатся в седьмом классе русской школы в Болгарии, вот почему у них такие имена. Вот вам и экзотика.

Если присмотреться и прислушаться, то всё в жизни необычно, всё ново, всё удивительно. Особенно когда это касается детей!

Поэтому МАРВИКА и пишет с некоторых пор – ДЕТЯМ! И по секрету скажем, что в её туюске есть ещё достаточно

ягодок-стишков для сельских детишек и для городских!

Шалунишки

(стихи для сельских детей от 4 до 7 лет)

Поиграли

Из-под нашей курочки
Сыплются цыплятки;
Жёлтые комочки
Прыгают по грядке.

Курочка хлопочет,
Кудахчет, бьёт крылами.
Может быть, не хочет,
Чтоб трогал их руками?

Хорошо! В корзинке
Соберу пушистиков,
Покажу Маринке
Наших золотистиков.

Калитка под дубами
В домике напротив —
Мы столкнулись лбами,
Смеялись до животиков.

Плетёнка у Маринки
С комочками ватными —
Натыканы ветки

Над её цыплятами.

Играя так часов до двух,
Менялись мы цыплятами.
Вдруг пожаловал петух,
Признал нас виноватыми.

Бил он крыльями, кричал,
Шпорами поблёскивал,
Нас чуть-чуть не заклевал,
Кур со всех дворов созвал.

Подхватили мы корзинки,
Каждый бросился в свой дом.
Я не знаю, как Маринке,
А мне досталось поделом.

Перепуталкины

– Цыпка Рита, ко-ко-ко,
Ходит с мамой далеко:

По дороге, по бугру
К деревенскому пруду.

Зёрнышки в воде клевать —
Раз-два-три-четыре-пять.

– Перепуталкин ошибся!

Это жёлтая Лулу
С мамой-уткою в пруду!

Щиплет водоросли, ветки.
Червячком, жучком, конфеткой

Их закусит, а потом
К берегу рулит хвостом.

– И у вас вкралась ошибка!
Не конфетка, а улитка!

Утка дикая притом
Среди веток строит дом.

– Целый день с гусёнком Сёмой
Мама ходит по двору.

Собирает кожуру,
Кормит жёлудем ребёнка

И каштаном. Среди корней
Ищет дождевых червей.

– Перепутал ты опять!

Сколько можно повторять:
Это Боренька-кабанчик.

А за то, что ты обманщик —
Перепутываешь нас,

Позовём гусей из грядки,
Чтоб щипать тебя за пятки!

– Гуси плавают в пруду.
А от вас я убегу!

Бесконечная считалка

Десять, девять, восемь, семь —
Сеня сел в густую сень.

Девять, восемь, семь, шесть —
Сене листьев в ней не счесть.

Восемь, семь, шесть, пять —
Стал он облака считать.

Семь, шесть, пять, четыре —
Облаков бессчётно в мире.

Шесть, пять, четыре, три —
Считал он звёзды до зари.

Пять, четыре, три, два —
Полна счётом голова.

Четыре, три, два, один —
Кто же в счёте господин?

Я сама нарисую

– Нарисуй меня морем,
Длиннокозой русалкой.

Нарисуй меня небом,
Серебристой луной.

А ещё я хотела
Быть отважным фрегатом,

Подгоняемым ветром
И зелёной волной!

– Как, скажи, угодить всем:
И дельфину, и чайке?

Голубым незабудкам,
Солнцу в небе весной?

Быть тобой все стремятся —
Посмотри, как толпятся

Под листками бумаги,
Под её белизной.

Я тебя нарисую
В синей майке, босую

В поле ржи, что за домом
Серебрится в рассвет.

С васильками-глазами,
С красным маком – губами.

Будет очень похоже.
Это будет портрет.

– Нет, не надо, не надо
Мне ни маков, ни сада!

Лучше зайчиком в поле
Белоснежной зимой!

Вот смотри – видишь? – носик
Показался из норки,

А теперь чёрный глазик,
Совершенно косой.

И сама нарисую

Хохотунью лису я!

Как хохотится тихо,
Как крадётся тайком.

Вот от лапок дорожка.
Подзасыплю немножко,

Чтобы зайчик остался
Непременно живой!

Заспивательная песенка

Заспи уже, сколько тебе говорить!
Мне надо ещё столько дел натворить!
Баюшеньки-баю, тебе я пою.
Спи быстро, Ванюшка, а то надаю!

Вон, видишь, у Мурки заснул Тим и Том.
Ты тоже быть должен приличным котом.
Давай, милый братик, баюшки-баюшки,
Ведь кто спать не хочет – тому по макушке.

Ну сколько ребятам меня ещё ждать,
Пока не стемнело, в футбол поиграть.
Да бай же, бай-бай! Ну чего ты канючишь?
Давай засыпай, а то быстро получишь.

Ну что разрыдался, давай поддержку!
Баюшеньки-баю, с тобой полежу!
Хороший, хороший, Ванюшенька, баю,
Чего-то я тоже уже засыпаю...

Календарёнок

Замечательный ребёнок —
Леонид Календарёнок.
Завтра будет Новый год —
Соберётся весь народ.

И сегодня в доме праздник!
Даже Лёнькин брат-проказник
Не шалит и не ревёт.
Полон этот день хлопот:

Нарядить большую ёлку,
Заплести Каурке чёлку,
По хозяйству помогать,
Хлеб в продмаге покупать.

Накрывать на стол и к другу
На лошадке съездить. Вьюгу,
Возвращаясь, переждать.
В срок до дома доскакать.

Наконец-то всем собраться
Вкруг стола и улыбаться.
(Вот сейчас поздравят нас...)

Бьют часы двенадцать раз!

Дружно все кричат: «Ура!»

Слышен отклик со двора.

Здравствуй, здравствуй, Новый год!

Веселится весь народ!

* * *

На подмостки января

Леонид вступает важно.

В первый день календаря,

После выюги он отважно

Расплетает провода,

Закрутившиеся в ёлку,

Как Кауркин хвост в гребёнку

И как в якорь невода.

* * *

И пока не слышно трели

В феврале в краю родном,

Голубой синичник к ели

Прибивая под окном,

Лёня щедро сыплет зёрна,
Угощая снегиря
Липы семенем и клёна,
Что хранил он с сентября.

* * *

Март! Это месяц в начале весны.
Март – это мама, улыбки, цветы.
Лёня в теплице море тюльпанов
Вырастил к лучшему празднику мамы.

* * *

В апреле готова у Лёни рассада
На полках под лампами зимнего сада.
Томаты и перцы, цветы, огурцы
Он сеял ещё под покровом зимы.

Рассаду растит Леонид по науке.
И в сеть Интернета не входит от скуки
Бесцельно играть. И дивится народ:
«Ну как он так ловко разбил огород!»

* * *

А в мае кружится у всех голова:
Дарёнка телёнка Дымка родила.
Он брахман, из древних индийских пород,
От зебу горбатого род свой ведёт.

Телята нуждаются в нашей заботе,
И Лёня участвует в общей работе:
Почистить Дымка и убраться в хлеву.
И времени нет. И он ест на ходу.

* * *

В июне прибавилось Лёньке забот:
По ягоды в бор он сосновый идёт;
В саду, в огороде рыхлит, поливает
И колорадских жуков собирает.

* * *

И в жарком июле с Аришкой-соседкой
Хрустит аппетитно морковкой и репкой,
Пуская в ставок у большого пруда

Сазанов, линей и амуров малька.

* * *

А в августе ульи полны сладких сот.
Прессует он с дедушкой падевый мёд.
И воск Леонид из ручной воскотопки
Умеет добыть при известной сноровке.

* * *

Сентябрь! Ребятам учиться пора!
Наш Лёня – дошкольник, но тоже сутра
Выходит из дома с корзиной в руке —
Он ищет опят на осиновом пне.

* * *

Октябрь, октябрь! Ложится снежок.
В следах на снегу заигрался Дружок.
Тут лось, а там ёж, дальше заяц, лиса.
У Лёни в заплечном мешке чудеса:

«Поклажу к кормушкам доставлю я сам.
Дам соли и сена сохатым лосям».

И Лёня на камусных лыжах идёт,
А сани на шлейке Буянка везёт.

* * *

Ноябрь! Суровые дуют ветра,
И Лёня приносит дрова со двора.
Он главный в семействе сейчас истопник:
Отец на охоте. Брат Вася приник

К окошку. Болит у него голова.
Всё хнычет и хнычет. Должно быть, вчера
Простыл и поэтому сильно хрипит;
Мёд с чёрною редькой излечит бронхит.

* * *

Декабрь! Застыла, замёрзла земля,
Но вот собирается в доме родня.
Седьмую зарубку поставил отец
На косяке, говоря: «Молодец!

Ты вырос значительно в этом году».
«Так, значит, теперь я и в школу пойду?»
«Ты вырос за год этот, Лёня, на пядь,

Но главное – опыт: его не отнять!

Вчера я учил тебя ставить капкан,
В который сегодня попался кабан.
Ты будешь охотник, рыбак, пчеловод,
Зоолог, ботаник, лесник, птицевод.

Когда станешь взрослым, тебе и решать.
Но всё, что умеешь, уже не отнять.
И всё, что ты знаешь, всё, что пережил,
Лишь только добавит тебе новых сил!

И пусть каждый день будет опытом красен,
Чтоб труд твой на радость стране был прекрасен!»

За стол все садятся – и праздник горой!
Сегодня Календарёнок – герой!

Невольные шалопаи

(Стихи для городских детей 9–11 лет)

Анка-атаманка

Соседка грозитя девчонке расправой
За то, что в окно ей ударил снежок.
Но целилась Анка в сосульку под рамой,
Чтоб та не пробила случайно чертог

Балкона Санька. Где, как в стёклах витрины,
На фоне порхающих блёсток зимы
Светились в зелёных венцах апельсины,
Двору навекая испанские сны.

Быть может, пронзённый стеклянной занозой
Оранжевый плод внёс бы свой колорит
В дворовый пейзаж. Но дыру над мимозой
Всесильный закон залатать не велит

Без домовладельцев. Цветы, апельсины
Погибнут, а в клетке замёрзнет петух.
И Анка, откинув полы пелерины,
Опять замахнулась, собрав весь свой дух.

Санька и Буянок

Но ошибается смелая Анка!
В нижней квартире (и втайне от всех)
Саньке никак не даётся Буянка
Краситься в цвет под бразильский орех.

Тощенький пёсик, два карих глазёнка,
Слипшийся хвостик и весь в колтунах,
Прыгает в ванной похлеще козлёнка,
Тычась и путаясь Саньке в ногах.

«Выберем стрижку из стильных и модных,
Бантик привяжем на хохолок.
Скажем, что кто-то из дальних знакомых
С острова Куба тебя приволок.

Только держись как крутая собака, —
Так уговаривал Санька щенка, —
Чтобы бабуля тебя не узнала
И, возвратившись, не прогнала».

Ночные эрудиты Огнян и Николай

Друзья у Саньки – эрудиты,
К наукам их умы открыты.
Но что волнует всех ребят —
Двойняшки на уроках спят!

Огнян зверей и птиц знаток,
А Ники знает в компах толк.
Трудолюбивые мальчишки
Читают до рассвета книжки!

О времени, и о мирах,
И о космических телах.
Об этом ночью говорят —
И вот поэтому не спят!

К тому же младшему братишке,
Балованному шалунишке,
Стихи и песенки поют
Про кварки, квант и авеют.

У них не очень-то со слухом.
Всю ночь держа фонарь под ухом,
Конечно, станешь твердоух,

Не то что музыкальный слух,

И зрение можно потерять
И лет примерно через пять,
Сощурившись при свете дня,
Не слыша брата и себя,

Так пригласить на день рождения:
«А завтра у нас день варенья.
Но только ночью приходите,
С собой планшеты захватите.

В плейстейшен вместе поиграем
И в лунном свете помечтаем.
Потом зажжём на торте свечи...
Не может быть о звуках речи!

Всё это тихо, всё молчком,
На крайний случай шепотком.
Мы так привыкли! И сердечно
Просили б не вести беспечно

Себя на празднике у нас.
Поберегите наши уши.
Глаза – не надо: как коты,
Мы не боимся темноты.

Но днём мы всюду засыпаем
И потому не приглашаем».

Сочинитель Вася

А в нашем дворе завёлся сочинитель.
Точнее, словесный девчонкомучитель.

Укрывшись в цветах, вслед кричит он с балкона:
«ДурАнка, ДурИнна, ДурОля, ДурНонна!»

«Не надо сердиться, – советует Ася, —
Ведь это несчастный Дурашников Вася».

Светик и Алёшки

– Дёрну я за юбочку,
Дёрну за косичку! —
Плачет горько Светик,
Трёт в глазу ресничку.

– Хлопну я тетрадкой,
Стегану линейкой,
Буду бить обидчиков
Разноцветной лейкой.

– Пулькой из бумаги
Заряжу рогатку —
Пусть она заплачет,
А мне станет сладко...

– Не хочу водиться,
Стану обзываться —
Классной расскажу про вас,
Буду защищаться!

Вдруг на парте самолёт
С буквами послания.
Может, Свете повезёт

За её страдания?

Покраснела кончиками
Ушек над серёжками,
Наблюдает пристально
За тремя Алёшками.

«Может, это Солнышкин?
А может, Перепёлкин?
Что он улыбается,
Прячет глаза в щёлки?

Кто из трёх? Который?
Может, молчаливый
Алёша Перельмутер?
Взгляд какой игривый!

Или, может, всё-таки
Это Перепёлкин?
Вон какой растрёпанный,
В волосах иголки.

Сегодня целым классом
Ёлку наряжали:
Мандарины вешали,
Гирлянду зажигали.

Кто же из Алёшек
Управлял полётом?
Кто из них позвал меня
Стать вторым пилотом?»

Леночка и бабушки

Леночка очень жалела старушек
И нападала на резвых подружек,
Если они, увлекаясь игрой,
Не замечали прохожей с клюкой.

«Видишь, старушка? – она говорила,
Ты её мячиком чуть не убила!»
«Видишь, бабуля с больной ногой?
С велосипедом, рули стороной!»

Если с покупками еле плетётся
Бабушка чья-то, так сердце сожмётся,
Больно глотать и щекочет в носу:
«Бабушка, дайте я вам донесу

Ваши покупки до самого дома!
Нет, я свободна! Всегда я готова
Бабушек бедных, больных уважать,
С сумками их до квартир провожать».

Леночку между собой величали
«Славною» бабушки. Все отмечали
В девочке искренность и красоту,

И сострадание, и чувств теплоту.

Так наступила весна, с ней – апрель.
С крыш по асфальту колотит капель.
Лена болела, она простудилась.
В чтение на двойки и тройки скатилась.

Катю-подругу к себе приглашает,
Если не так что, то пусть помогает.
Долго они нажимают звонок,
Скрип за дверями, а после – молчок.

«Ну наконец-то, бабуля! Привет! —
Лена бросает портфель на паркет. —
Есть что поесть? Я ужасно устала.
Это – Катюша. Чего-то ты мало

Блинчиков нам в этот раз напекла!
Я же просила! Ну, как тут дела?
Ты постирала мне джинсы и куртку?
А покормила хомячку и Мурку?

Вывела Кроля? Цветы полила?
Вытерла пыль? А полы подмела?
Браво, бабуля! Ты просто герой!
Как я люблю возвращаться домой!

Тили-бамки

Надоели Коленьке все его игрушки:
Плюшевые зайки, кубики, хлопушки,

Пистолеты, сабли, паровозы, котики,
Самолёты, клоуны, змеи, бегемотики.

Всюду разбросал он: в детской, на балконе —
Лего и конструкторы, барабаны, пони.

Коленька в плейстейшен целый день играет.
По пришельцам в космосе джойстиком стреляет.

Страшно носорогам бродить по саванне,
Коль с планшетом Коля заседает в ванне.

Или на машине едет по дороге —
Берегитесь, люди, уносите ноги!

Берегитесь, лоси, лисы и медведи!
Это вам не малышок на велосипеде!

Далеко от дома Колины родители
Были много месяцев, ведь они строители!

«День всех дней» уж близится; Пасха на пороге.
Мамочка и папочка к дому по дороге

Милому сыночку купили куличик
В жестяной коробочке и пяток яичек.

Яички разноцветные, а кулич с цукатами.
На коробке карусель с оленями рогатыми.

Коля взял коробку в руки,
Крышку вправо повернул.
Из коробки льются звуки:
«Тили-бом» да «тили-бум».

От избыточности чувств
И от волшебства шарманки,
Ухватив отца за ус,
Коля крикнул: «Тили-бамки!»

Колокольцами из уст
Прозвучали эти звуки.
Колю все берут на руки.
«Говорит наш карапуз!

Наконец-то! Вот отрада!

Не видал давно я чада.
Мальчик мой, да ты герой!» —
Кивает папа головой.

«Он теперь совсем большой! —
Машет дедушка рукой. —
Да ещё заговорил!
Вот так Коля! Удивил!»

Иринкина забота

«Ты люби свои тетрадки:
Их держи в большом порядке.
Книгой тоже дорожи,
Но если надо – одолжи!»

Так Иринка приучала
Плюшевого Рикоко
К знаниям, когда до школы
Было очень далеко.

Но вприпрыжку убежала,
Ускакала та пора.
Не играет больше Ира,
Голова другим полна.

«Где тут мой велосипед?»
Ранец на плечо надет.
Может, думаете, книжки
Высунулись из подмышки?

Удивляйтесь поскорей!
Она гоняет голубей.
В мире есть такое чудо:

В полтора двора отсюда

Домик узенький стоит,
Жестью по бокам обит.
Жёлто-сине-голубой,
С лестницею приставной.

В два окошечка под крышей,
С дверкой под овальной нишей,
С деревянным колесом,
Закреплённым над шестом.

Вот туда несётся Ирка.
В рюкзаке – с водой бутылка,
Сетчатый мешок с зерном
И поилка со скребком.

Ире надо потрудиться:
Чистенькой налить водицы,
Покормить, и погонять,
И подстилку поменять.

Любит зёрна турман Шалый;
Голубь-роллер он бывалый:
Кувырок за кувырком,
А потом, пройдя винтом,

Три часа подряд резвится
Удивительная птица
В океане голубом
Белоснежным мотыльком.

Тульский чеграш в элегантных «чулочках»
Плавно кружит на невидимой точкой.
Резко взмывает – и снова на круг.
Сразу понятно: кружастых он внук!

Ржевские турманы очень красивы,
Красные мастью и сильно игривы.
А отличительная черта —
Белая лента по краю хвоста.

Бойные голуби вовсе не бьются:
В дымке небесной столбом пронесутся;
Есть и спиральный набор высоты;
Кульбит за кульбитом – часы и часы.

Если крылом быют по воздуху звучно,
Значит, охота благополучна.
«Охотой» зовётся лишь в небе игра.
А «боем» – хлопки от ударов крыла.

Средняя Азия ими гордится.
Иркина гордость – чубатая птица
Из Ашхабада, Перс-агаран.
Занёс из Ирана его ураган.

Голубка у Перса – двухчубая Нина.
Она из Ташкента. И очень ревниво
Оберегает пушистых птенцов
Артура и Эрика. Со всех концов

Писки из гнёзд голубятник Ирина
Слушает радостно. Вот так картина!
Была голубятня, а стал птичий сад.
Время часы повернуло назад.

Снова рассказывать надо малышам
О чистоте в их тетрадках и книжках.
Снова учить их читать и писать
И лишь тогда в синем небе летать.

«Что-то моя голова закружилась. —
Ира на мысли свои удивилась. —
Я же хочу орнитологом стать
И от болезней птенцов защищать.

Книги со мной будут знаньем делиться;

Голубеводу оно пригодится!
Хоть разболелась моя голова,
Завтра учебники в руки сутра.

Буду учить биологию в школе,
Химию тоже придётся зубрить.
Станешь стараться и поневоле,
Чтоб голубей первоклассно "водить"!»

Небесные куранты

Феденьку с раннего детства корили
За прохлажденье. Трудиться учили
В поте лица для развития мозгов.
Сколько светил и простых докторов

К маме-профессорше ни приходило,
Книг популярных ни приносило,
Всё было мало. И папа с утра
Федю водил на площадку двора

Бегать трусцой и взлетать по канату
С экс-циркачом за известную плату.
Даже ходить по траве колесом,
А в завершение упасть с кувырком.

Следом за папой бабуля включалась
(Ещё достаточно сил в ней осталось!)
С часом английского. На фортепьяно
Федю возил на «рено» Себастьяно —

Папин шофёр, в прошлом славный атлет.
Часом поздней после пары котлет,
Что второпях чаем он запивал,

Феденьку в руки брал дед-адмирал.

В этот момент, кроме Феди и Баски,
Голубоглазой улыбчивой хаски,
Да попугая Джокоши в углу,
Говоруна из пород какаду

С индонезийского острова Ява,
В доме чудил кот по имени Слава.
Федя брал скрипку, а дед брал фагот.
Первым сдавался египетский кот.

Он исполнял вдохновенно рулады,
Баска просила за вой свой награды.
Только Джокоша на пальме в углу:
«Брось, – исступлённо кричал, – ерунду!»

День шёл за днём и застал Федю в споре —
Кем ему стать? Предлагал дед на море
Феде карьеру. А мама врачом
Видела сына. Бабуля ключом

Деду в запале от злости грозила:
«Вот тебе море, Исусова сила!»
«Будет солдатом! – папа сказал. —
Не зря ж его детство я защищал».

Набежала вдруг слеза
На зелёные глаза;
Смотрит внук исподтишка —
Под столом дрожит рука.

В Феде не осталось сил
И он тихонько проскулил:
«Нет, не буду я курсантом.
Буду я чинить куранты».

Соглашается семья:
Ай да Федя, молодчина!
Это важная причина —
Перезвон часов Кремля!

«Буду я летать над крышей,
Буду всех-всех в мире выше!
Буду там совсем один —
Туч и солнца господин.

Буду звёзды зажигать,
Чтобы детям дольше спать.
А потом я их задую,
Стрелку поверну большую,

Чтобы рано не вставать.
Буду лучиком играть,
Глядя с неба через щёлку.
Расчешу лошадке чёлку,

Птичек на дворе найду,
Поиграем в чехарду.
А потом, вертя плечом,
Обыграю в вышибалы
Анку Санькиным мячом.

А пока на Спасской башне
Бьют куранты для людей,
Мои небесные куранты
Заведу я для детей.

Они по-разному играют,
Они по-разному поют.
Часов совсем не наблюдают,
Но никогда не отстают.

С каждым звуком новый тон
Навевает дивный сон.
Какие яркие цвета,
Какая красок чистота!

На небесные куранты
Я настрою все часы,
Чтобы были все дворы
В распоряженье детворы!»

«Мальчик бредит. Он устал», —
Сказал дедуля-адмирал.
«Федя болен, он в бреду,
Градусник уже несущ».

Врач с бабулей суетится.
«Выживет! К утру проспится, —
Резюмировал солдат. —
Или дам тебе наряд!»

«Я ни в чём не виноват», —
Хочет Федя извиниться.
А Джокоша, чудо-птица,
Родом инка какаду,

Распустив хохол в углу,
«Федя! Вира! SOS! Палундра!»
Прокричал как на духу
И счистил с клюва шелуху.

Бабушка читает молитвы

Бабушка читает молитвы.

Она православная, но в Библии всё налегает на Ветхий Завет. И самозабвенно воспеваёт Бога псалмами Давида. Каждый день она ходит в храм. А я – в школу. Встречаемся часов в пять, когда я возвращаюсь с продлёнки. Мы гоняем чай, и я слушаю-слушаю бесконечные бабушкины истории о её житьё-бытьё, которые она достаёт наугад из книги своей жизни. Как фотографии из семейного альбома – нашей с ней реликвии в толстокожем с бронзовой застёжкой переплёте и выпавшей инкрустацией в форме розы с листьями. Какой была эта роза, мы так и не обсудили, что наводит меня на мысль о том, что этот альбом случайно попал к ней в лихие годы и в него чей-то нежной рукой были вставлены другие заветные снимки...

* * *

Один мальчик-экспериментатор купил в специализированном магазине на улице 25 Октября, что идёт от Красной площади мимо ГУМа, химический реактив. Он принёс его домой, в коммунальную квартиру на Малой Молчановке. Тёмной зимней ночью, чтоб никто не видел, полуголый,

в одних сношенных тапочках и трусах, он проскользнул на кухню, усыпанную усатыми тараканами, сложил реактив в соседскую алюминиевую кастрюльку и стал его нагревать на горелке газовой плиты. Сначала раздалось шипение и пошёл едкий розоватый дым. И мальчику стало весело. Похохотывая и поёживаясь от обступившего его холода огромной коммуналки, он продолжал держаться за ручку кастрюльки, когда неожиданно кто-то за его спиной поднял язычок выключателя и кухня озарилась зеленоватым светом. «Лампочка, что ли, дурит? – подумал мальчик. – Чего свет-то зелёный?»

– А это потому, что дымишь розовым, – услышал он за спиной ответ на свои размышления, – да ещё мою кастрюльку взял, стервец такой, у меня прямо сердце во сне ёкнуло!

И он получил затрещину по затылку.

– Зачем вы мальчика обижаете, тётенька? – вступился за него перед соседкой Кирой Львовной вежливый голосок его одноклассницы Тани Громовой.

– А ты что тут делаешь, бесстыдница, в одной ночнушке? – парировала Кира Львовна.

– Я так, прогуливаюсь, видите, тётенька, ночь-то какая лу-у-унная! – восторженно протянула Таня.

– И правда лунная, – заметно помягчевшим утробным голосом подтвердила Кира Львовна.

Из кастрюльки начали выплывать, словно мыльные пузыри из бумажной трубочки, скрученной как-то мамой в раннем детстве мальчика, огромные прозрачные шары.

– Выключите свет, – посоветовала Таня, – и вы увидите, какие они красивые.

– Пожалуй, – охотно согласилась Кира Львовна и зашаркала обратно к выключателю.

И тогда мальчик на мгновение оторвал зачарованный взгляд от кастрюльки посмотреть, чего там такое за спиной происходит... И было на что посмотреть: Кира Львовна, вся в бигудях и замызганном своём халате, крутила задом к выключателю, а Таня Громова в короткой рваной сорочке стояла на жестяном карнизе и, как-то боком просунув голову в открытую форточку, смотрела на мальчика с живым участием.

Свет погас.

И в наступившей темноте светилась только Таня на окошке, в подбитой лунным сиянием и ставшей вдруг длинной и романтической прозрачной тоге – да шары. Они действительно стали переливаться всеми цветами радуги, плотными рядами заполняя кухню сверху вниз.

– Я же говорила, – обрадовалась Таня. – Видишь, Володя, как красиво?

Мальчик очень удивился, потому что его не так звали. Но промолчал, потому что Кира Львовна вдруг ласково охватила его сзади и произнесла:

– Вовка, да неужто это ты? А я сзади тебя и не узнала. Прости меня, сынок! Как же мы давно не виделись-то с тобой! Как же я соскучилась-то по тебе!

А мальчик вдруг как-то совсем по-вовкиному ответил:

– Вы, мамаша, я вижу, очень-очень изменились. Раньше из вас слова ласкового не вытянуть, а теперь вот сынком меня называете.

– Да я же, миленький, с утра до ночи на заводе штамповочном. Вечером еле-еле до дому дотащусь, папаша твой мне ещё нервы мотает, всё душу свою, войною изувеченную, водярой промывает. А ты мне дневник с двойками суёшь. Ну как тут не погорячишься! Ты уж прости меня, сынок. За прошлое. Теперь у нас всё по-другому будет.

– Хорошо, прощаю, – соглашается мальчик. – Только вы меня теперь Вовкой не называйте...

– А как, как тебя называть теперь, сыночек? – спрашивает из-за спины Кира Львовна.

– А какое вам имя больше всего нравится? – вставляет вдруг из форточки Таня.

– Ну-у, – протягивает задумчиво Кира Львовна, всё ещё держа мальчика в объятьях, – мне всегда казалось, что я тебя Вовкой назвала, потому что мне это имя нравилось. А теперь вижу, что я ошибалась. Не подходит тебе это имя, да и я сейчас припоминаю, что в молодости мне другое имя нравилось. Но я постеснялась тебя так назвать.

– Так какое, какое же? – заволновалась Таня из окошка.

– Эдмунд! – выдохнула Кира Львовна. – Я его однажды от очень начитанной соседки нашей Софьи Михайловны услышала. Её, правда, потом посадили. Очень кроткая старушка

была – целыми днями читала, читала. Вот её и посадили. Я и испугалась тебя так назвать, когда ты родился. Ненашенское это имя. А теперь вижу, что неправа я была. Может, и судьба у тебя тогда по-другому сложилась бы. Как ты думаешь?

– Называйте меня теперь, мамаша, Эдом, – предложил мальчик, потому что это имя ему вдруг приглянулось. – А вас-то мне как называть в свою очередь? У вас, может, тоже какие-то пожелания на этот счёт имеются?

– А тебе как хочется, чтобы я называлась, Эд? – спрашивает Кира Львовна, и при этих словах мальчик вдруг чувствует, как он превращается в Эдмунда с благородной душой.

– Я хочу, дорогая мама, чтобы звали вас Элеонорой, Норой! Вы согласны? – С замирающим сердцем ждёт он ответа.

– Как же мне не согласиться, если тебе это имя приглянулось. Ты меня назови, а я почувствую, моё оно или не моё. Я думаю, что ты должен был бы угадать. У нас ведь одна мечта, чтобы всё у нас с тобою хорошо было, сыночек! – растроганно соглашается Кира Львовна.

– Нора! Дорогая мама Нора! – всё ещё находясь в объятиях бывшей Киры Львовны, тепло произносит Эд.

Поворачивается наконец от полностью выкипевшей кастрюльки и видит перед собой легко танцующую над полом (потому что ведь невозможно, чтобы активизировавшиеся в темноте тараканы бегали теперь по ногам) бесплотную прекрасную зрелую женщину и сразу же угадывает в мягких её чертах маму Нору. Уже нет нужды в объятиях, потому что

они так близки, так родственны друг другу.

– Послушайте, – вдруг доносится до них призыв со стороны окна, чудом успевший пробиться в их общее плотное пространство любви.

Это Таня Громова, лунатик 4 «Б» класса. Её голова плотно засела в форточке, и уже надо же что-то делать – нельзя же вот так стоять и стоять на карнизе, можно же и простудиться. Ведь зима же!

– Послушайте, дайте и мне какое-то имя! Может, я тогда тоже стану как вы и выдерну наконец из форточки мою застрявшую голову, – предлагает она.

– Конечно же, конечно, мы сейчас поможем! – с готовностью отзывается мама Нора. – Эд! Давай откроем окно – как я сразу, когда ещё была Кирой, не догадалась! Девочка совсем замёрзла. Да и как она там, бедняжка, оказалась? За окном!

– У вас теперь не получится окно открыть, – сообщает Таня, – вы оба бесплотные. Давайте лучше имя скорее придумывайте, пока я не замёрзла.

– Я бы тебя назвал Ундиной. Вон как ты на фоне луны светишься! Ина! Согласна? – предлагает Эд.

– Согласна! – отзывается эхом и легко отделяется от окна Ина. – Идите сюда! – манит она их из кухни наружу.

И, слившись воедино, Нора и Эд без малейших усилий выплывают через форточку по лунному лучу в тёмное воздушное пространство, окутавшее город...

Наутро в квартире номер семь на четвёртом этаже одного из бывших доходных домов по улице Малая Молчановка в многодетной семье дворника Ивана Кузьмича недосчитались девочки Тани. Пропала девочка, и всё тут. Ну, знали, что она странная была: сколько раз её с карниза снимали лунными ночами. Успевали, что называется, снять. Стоит себе, в струночку вытянулась, нос по ветру держит, балансирует, как циркачка на канате, на краешке карниза. Один раз даже как-то на соседний перешагнула.

– Жуть меня сквозь сон взяла, – рассказывала наутро на кухне соседка Шура, – открыла я глаза, а в окне, господи боже, она! Стоит себе в одной сорочке. Хорошо, что я про эти Танькины номера знаю. А если бы какой-то другой человек на моём месте оказался? Да и заорал бы от ужаса? Ясное дело, девка б очнулась и как пить дать разбилась бы вдрызг.

– Ну где она, дура такая, шастает, – причитает Танина мать Матрёна Филипповна. – Ушла-таки, упустили девчонку-у-у! – уже от ужаса начинает она подвывать.

– А вы на асфальте-то посмотрели? – осведомилась её сестра Степанида. – Я извиняюсь, конечно, за такой вопрос.

А в это же время в соседнем подъезде дела обстояли покруче. Туда милиция приехала, потому что её жители с седьмого этажа вызвали. Да и как не вызвать, если вся кухня

обуглилась, будто в неё снаряд попал. Шкафчики деревянные с занавесочками на полках с посудой дотла сгорели, кастрюльки со сковородками и чугунными утюгами и утятницами оплавилась. А общественную газовую плиту разворотило этим самым снарядом в самую серединку так, что ножки кверху торчат, а духовку наружу вывернуло. Когда дознание началось, заметили, что двое человек пропало. Кира Львовна из последней комнаты-малометражки, одинокая озлобленная дама, два года назад похоронившая мужа и сына, что на грузовике папаша подпившего на дачу поехали и не доехали – на переезде их поезд смазал. И пацан-второгодник, Сергунька-алхимик, как его в квартире называли за большую его любознательность по части химии, который с бабушкой глухой, Семёновной, проживал, потому что мать померла, а отец сидел.

Акты составили – и о взрыве газовом, и о пропаже химика-малолетки и Киры Львовны. К обеду из ЖЭКа общие работники и маляры пришли: почистили всё это безобразие, замазали стены зелёной масляной краской, потому что побелка копоть въевшуюся не брала. К вечеру завезли новую плиту, поменяли газовый шланг, а уж остальное – шкафчики, посуду – это уж сами, это к коммунальному хозяйству отношения не имеет.

Погоревали жители двух квартир, каждый о своём: кто о шкафчике, а кто о без вести пропавших. Но ведь не впервой люди-то пропадали в инженерном доме. Вон сколько их

на «воронках» при Сталине вывезли. И ничего: все живы, дом стоит, Москва стоит, Россия-матушка вон как широко раскинулась, Земля крутится. Чего вам ещё-то надо? Достали уже со своими воспоминаниями! А как же раньше-то, в Средние века при инквизиции, а Китай, а Камбоджа, а Вьетнам, а Африка, а майя и конкистадоры наконец? Что вы заладили – «ГУЛаг-ГУ-Лаг»? Что это, впервой, что ли? Что вы там, господа хорошие, в Европе да в Америке, прикидываетесь? Вы своих ведьм да индейцев посчитайте, устроители демократии. А то вон евреев жгли в топках, жгли, а потом великий очищенный германский народ квоту израильтянам дал: валите, мол, евреи, к нам, мы вам численность довоенную восстановим! Нечего прикидываться – нету её, демократии! И никогда не было. Ведь же плодятся люди как мыши. Кто же их прореживать будет, как не сами люди? Иначе же они всю «капусту нашу пожрут». Вот мы их кого в богадельни, кого на войну, кого на трудовой фронт, а кого по лагерям и распределяем, а кого – в огне чистой веры палим. Ведь они как мыши плодятся, а как их прокормить-то, Господи? Да болеют беспрестанно. Как их, Господи, вылечить-то всех? Да ещё и мрут, мрут как мухи, Господи! Как их всех хоронить-то и где? Уж и места не осталось! Мы их давно в одни и те же могилы кладём, а они всё мрут да мрут. Вот то ли дело война или лагерь. Там тебе жаж напалом – и никаких расходов. Печку открыл-закрыл, да ещё и пепел – поля удобрять. Эх, красота!

А вы там о какой-то Тане Громовой, Сергуньке-алхимике да стерве Кире Львовне беспокоитесь. Туда ей и дорога! Зато комната освободилась и в неё Михал Михалыч, старый коммунист, свою дочу с молодым мужем-лимитчиком расширяет. Жаль, конечно, Таню да Сергуньку, но с другой стороны, может, оно так и лучше для них. А то кто знает, может, из неё проститутка какая-нибудь получилась бы – чего она всё в ночнушке-то одной шастала? А он, может быть, террористом бы стал – нездоровое это его увлечение химией было. В общем, погоревали три дня, а на четвёртый успокоились. Год-два – вообще всё быльём порастёт. Доча Михал Михалыча наследника родит. Бабка Сергуньки помрёт, и ещё комната освободится. А Танькина мать следующего оглоуда на свет произведёт. Чего ж вам ещё надо-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.